

К ВОЗВРАЩЕНИЮ „СТАРШЕГО“ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕАТРА.

Статья А. В. Луначарского.

Два года отсутствовал МХТ, с большой славой представляя русское искусство в Америке и Европе. За это время порядком воды утекло, физиономия московской театральной жизни несколько изменилась, как, впрочем, изменилась она достаточно бурно и в те годы, которые МХТ прожил в революционной Москве.

Какова будет физиономия МХТ?

Разумеется, никто не может сомневаться в огромной художественной ценности этого коллектива и всей театральной школы К. С. Станиславского. Московск. Худ. Театр, возникший в наиболее эстетическую пору развития нашей интеллигенции, явился, пожалуй, ее высшим достижением. Стоя на рубеже идейно-народнического периода и периода философско-эстетического, явившегося в некоторой степени знаменем буржуазного самоопределения интеллигенции, МХТ ни на мгновение не впал в *буржуазность*, как таковую: в нем сильно слышались отзвуки тех великих идей и страстей, картин, которые развернула интеллигенция в свою золотую пору от 40-х до начала 80-х годов. Отходя же от этих остро-социальных идей и чувств в сферу «чистого искусства», МХТ делал это с субъективным сознанием громадности роли искусства и отнюдь не полагая, что он делает какую-то уступку тем или другим реальным силам (капитализму, например), и думая, что восходит на самые прекрасные вершины человеческого духа. Соответственно этому МХТ довольно много-сторонне понимал свое служение. Жизнь интересовала театр вообще, человек интересовал его во всех своих проявлениях. Театр охотно шлифовал и доводил до *совершенства* сценическое выявление любого содержания, если только оно вообще казалось ему достаточно насыщенным высокими, или тонкими, или трогательными человеческими чувствами. Конечно, эта неопределенность и это эстетство театра, сказавшееся в его романтизме и в его реализме, не может быть вменено театру в вину. Наше время всем своим инстинктом требует театра проповеднического, театра, как социальной силы. Правда, в сущности, оно такого театра еще не имеет, но, оглядываясь назад, наше время, пожалуй, с большей симпатией может остановиться на тех, правда, подцензурных и далеко не достаточно острых, но все же социально совершенно определенных тенденциях, носителем которых в свою лучшую эпоху, был, например, Малый Театр.

Но зато общечеловечность Художественного Театра является гарантией того, что и наша эпоха в его обширной

сокровищнице может найти отдельные ценности, существенные для нее, иногда по созвучию, а иногда постольку, поскольку перед нами стоит задача всестороннего усвоения старой культуры. Еще более ясно, что именно *эластичность*, очень характерная для подлинного актера, *многочисленность* этого Протеза дает возможность ожидать, что с *такою* же степенью совершенства, с какой МХТ передавал материал, попавший в его мастерскую в прошлом, сумеет он передать и *новый чисто-революционный материал*. Я знаю, например, что Константин Сергеевич положительно тоскует по большой революционной пьесе, но, как строгий художник, он требует, конечно, от такой пьесы большого формального совершенства, большого объективизма, словом превращения жизни в некоторый перл творчества, и потому склонен думать, что раньше, как лет через десять, кипучее революционное содержание не станет доступным для чисто-художественного отражения и обработки.

Однако, может быть, в данном случае руководитель Художественного Театра является чрезмерным pessimистом. Я полагаю, что революционная драматургия растет довольно быстро и что даже при самых высоких требованиях, какие МХТ может поставить, эта новая драматургия вскоре даст МХТ материал и во всяком случае не хуже того, на котором стояли в чисто-художественном отношении пьесы, включенные в репертуар этого театра.

Наконец, ценность МХТ заключается и в самой манере обработки драматического материала. Я многократно высказывался о том, почему мне кажется непреходяще важной та форма сценического реализма, которая воплотилась на сцене Малого Театра в лучшую его эпоху. Мне было приятно слышать в недавней беседе с Константином Сергеевичем Станиславским его утверждение: «В сущности, русское искусство на своих высотах всегда было одинаково. Чем больше я вдумываюсь, тем больше вижу, что искусство Щепкина, Шумского, Садовского, Ермоловой и других и искусство лучших представителей МХТ в глубине своей безусловно единое искусство и единое мастерство». Тем не менее, конечно, тут есть нюансы. Недаром же МХТ противопоставлял себя Малому театру. Можно спорить о том, было ли прогрессом стремление к сценической натуралистической детализации, но детализация эта под руководством подлинных художников превращалась зачастую в необыкновенно сочный импрессионизм. Вообще же та огромная вдумчивость и до святости доходящая добросо-

вестность, которые талантливые артисты МХТ и его режиссеры вводили в каждые свои начинания, не напрасно создали МХТ его громкую репутацию и поставили его сейчас бесспорно *во главе* подлинно художественного театра *всего мира*. Это еще не значит все же, что старый репертуар МХТ и его художественные традиции безусловно подойдут к новому времени и его запросам. Мы видели, как в отсутствие труппы Станиславского его соратник—Вл. И. Немирович-Данченко—с молодежью искал новых путей, большей монументальности, более резкой экспрессивности, большей свободы от копирования действительности. В «Лизистрате», отчасти «Кармен», мы увидели много нового, интересный шаг к какому-то синтезу, который художественно претворил бы в себе лучшие находки идущего сейчас по разным тропам, так сказать, пионерствующего новейшего театра. Мы видим также, что студии, в том числе и та, которая выросла уже во 2 МХТ, отнюдь не удовлетворяются просто продолжением линии своих старших, но с некоторым даже беспокойством ищут новых сценических путей, главным образом, в направлении удаления от хотя бы и высоко художественных воспроизведений реальности, в сторону самой смелой стилизации действительности.

Если МХТ удастся обрести созвучный эпохе репертуар, то, вероятно, для него окажется необходимым сознательно или невольно изменить и кое-какие свои *художественные приемы*. А раз это так, то мы стоим перед старшим МХТ, как перед некоторой загадкой. Что же мы увидим перед собою? Хранителей замечательной традиции? Конечно, и в этом случае они займут видное место в русском театре и в современной

русской культуре. Конечно, и в этом случае они дадут нам новые наслаждения. Но хотелось бы большего. А если они сдвинутся под влиянием всех потрясений, которые пережила их страна, то куда они сдвинутся и как? Напрасно было бы искать ответа у самих работников этого театра. Вл. И. Немирович-Данченко, оставшийся всевремя на нашей почве, чрезвычайно ярко чувствует эту необходимость отплыть от старых берегов и, как мне кажется, довольно ясно представляет себе общее направление, в котором необходимо плыть. Мне кажется, что чувство некоторой тревоги, а может быть и некоторой тоски по новому ощущают и «американцы». Когда говоришь с ними, всегда чувствуешь не только очень крупных художников, но и людей, беззаветно преданных своему искусству, артистов с ног до головы, которые почти страдальчески переживают все перипетии своего дела. Это производит неизгладимое и чрезвычайно симпатичное впечатление.

Люди, конечно, закономерно ценят достигнутое ими мастерство и накопленное ими, уже сценически осуществленное, сокровище репертуара. Но пока ни одно слово не выдало какого-либо ясного плана дальнейшей работы. Те, кто любит МХТ, а я его чрезвычайно люблю, ждали возвращения «американцев» с большим трепетом. Разумеется, на худший конец «старый» МХТ есть огромная ценность, но не окажется ли, что этот старый театр способен лучше иных молодых откликнуться на жизнь? Первый спектакль старшего МХТ был дан перед представителями правительства в зале, наполненной пролетарским студенчеством.

Театр удачно выбрал для этого великоленную Щедринскую драму «Смерть Паахкина». Я слышал отзыв об этой